

Споры о древности происхождения буддизма достигли такого накала, что китайские буддисты сочинили легенду, датирующую рождение Будды, - 1028 г. до н.э.

Здесь мы привели лишь отдельные фрагменты из трактата «Лихолунь», отразившие основные противоречия буддизма с традиционным мировосприятием китайцев, связанным, главным образом, с их верованиями, восходящими к глубокой древности. Трактат несомненно сыграл

большую роль в разрешении этих противоречий, однако потребовались целые века, прежде чем буддизм, богатый религиозными традициями у себя на родине, пронизанными мистикой, персонифицированными божествами, этическими проблемами и поисками смысла жизни, сумел приспособиться к местным верованиям, пустить свои корни, и не только пустить там корни, но и навязать свои стандарты местным религиозным воззрениям.

1. Исторические судьбы буддизма в Азии со времени возникновения его до VII века // Вера и Разум. - Харьков, 1900. - № 8,9. - С.538.

2. Там же. - С.547.

3. Ши цзин // Перевод Е.П. Синицина. Древнекитайская философия. - М., 1994. - Т.1. - С.89.

4. Там же. - С.92.

5. Ши цзин // Перевод А.А. Штукина. - М., 1957. - С.395.

6. Шу цзин // Перевод С.Кучера. Древнекитайская философия. - М., 1994. - Т.1. - С.104.

7. Ши цзин // Перевод А.А. Штукина. - М., 1957. - С.414.

8. Там же. - С.331.

9. Шу цзин // Перевод С.Кучера. Древнекитайская философия. - М., 1994. - Т.1. - С.111.

10. Л.С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. - М., 2001. - С.53.

11. Шу цзин // Перевод С.Кучера. Древнекитайская философия. - М., 1994. - Т.1. - С.111.

12. Бяньвэнь о воздаянии за милости // Перевод и комментарии Л.Н. Меньшикова. - М., 1972. - Ч.1. - С.76-77.

13. Моу цзы. Лихолунь // Хунминцзи. Сыбубэйяо. Шанхай. 1936. Л.4 а. Моу цзы. Лихолунь // Хунминцзи. Сыбубэйяо. Шанхай. 1936. Л.4 а.

14. Городецкая О. Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая // Проблемы Дальнего Востока. - № 2, 2005. - С.137.

15. см.: Васильев Л.С. История религий Востока. - М., 1983. - С.250.

16. Городецкая О. Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая // Проблемы Дальнего Востока. - № 2, 2005. - С.135.

17. Там же. - С.135.

18. См.: Кучера С. Китайская археология. - М., 1977. - С.116-120.

19. Сань-хуан – это три мифологических императора. У-ди – пять легендарных правителей.

20. Моу цзы. Лихолунь // Хунминцзи. Сыбубэйяо. Шанхай. 1936. Л.2 б.

21. Померанцева Л.Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. - М., 1979. - С.65-66.

22. Моу цзы. Лихолунь // Хунминцзи. Сыбубэйяо. Шанхай. 1936. Л.4 а.

23. Меньшиков Л.Н. Бяньвэнь о воздаянии за милости. М., 1979. - Ч.1. - С.76-77.

24. Моу цзы. Лихолунь. Л.5а-5б.

25. Там же. - Л.3б.

26. Васильев А.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. - СПб., 1893. - С.81

27. Там же.

28. Там же.

Н.В. Терехова
Чита

«Бостонское конфуцианство»: истоки и теоретические основания

Abstract: In the article the author presents the history and structure of «Boston Confucian school», which is one of the main American scientific centers directing contemporary Confucianism development. The author poses the question on determination of the school's philosophic-cultural basics through depicting it in the context of Confucian history in XX century, characterizing its main adaptors and their ideas.

Эпоха так называемого «современного конфуцианства» началась на рубеже XIX – XX вв. «Глубинные проблемы современной конфуцианской философии связаны с поиском оптимального сочетания консервативного унаследования духовно-философской традиции и ее обновления с использованием достижений западных теорий» (1.-с. 10). Восточно-западный диа-

лог, ставший главной мотивацией в развитии современного конфуцианства, приобрел самые разные интерпретации в XX в. в китайской философии Лян Цичао, Ван Говзя, Чжан Дунсуня, Ху Ши, Цзинь Юэлиня, Сюн Шили, Лян Шумина, Фэн Юланя, Хэ Линя, Фэн Ци, Чжан Дайняня, Ли Цзыхоу, Фан Дунмэя, Сюй Фугуаня, Тан Цзюньи, Моу Цзунсяня. Тематически данные

теории охватывают проблемы формирования новой политической культуры в Китае, адаптации традиционной этики к современным условиям, теоретической и методологической реконтекстуализации европейской и американской философии в конфуцианской мысли, осмысления идей и значений западной религиозной культуры. Надо отметить, что диалогичный дискурс в концепциях данных авторов характеризуется сложной структурой, так как одновременно включает в себя несколько дихотомий: «Восток – Запад», «традиция – современность», «вестернизация (модернизация) – традиционализация» «метафизика – практическая философия», «религия – философия», «демократия – авторитаризм».

Ситуация поиска идей, способных лечь в основу будущего развития страны, борьба между социально-политическими силами внутри Китая, влияние западной философско-культурной традиции способствовали сложноорганизованному, местами разорванному и фрагментарному развитию конфуцианской философской системы XX в. и в смысле географической локализации учения (материковый Китай – Тайвань, Гонконг – другие страны Восточно-Азиатского региона – США) и в смысле его философско-культурной целостности.

Сложность и неоднозначность данного периода проявляется и в отсутствии единой точки зрения на его внутреннюю периодизацию, структуру и, собственно, определение. Главной историко-философской задачей по-прежнему остается, с одной стороны, определение степени преемственности и новизны современного конфуцианства по отношению к раннему и нео-конфуцианскому периодам развития традиции, с другой – выявление значений и смыслов формирующейся синтетичности. Спор между «(новым) нео-» и «пост-конфуцианством» до сих пор не разрешен и для всей истории конфуцианской философии имеет принципиальный характер.

Оба названия, «новое нео-конфуцианство» и «пост-конфуцианство» (при разных их дополнительных вариациях), будут означать переосмысление и обновление конфуцианской традиции западными идеями. В случае с «новым нео-конфуцианством» мы имеем ввиду более близкое и строгое следование традиции классического нео-конфуцианства, детерминированность новой теории его главными принципами, понятиями, ценностями. Пост-конфуцианство мы понимаем как некий переход к чему-то принципиально иному, вынесенному за (по ту сторону) рамки традиционных континуальных, каузальных, аксиологических отношений, что уже не

может быть интерпретировано и понято в рамках существующей традиции.

Известный российский синолог А.В. Ломанов в своей работе «Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя» определяет «современное нео-конфуцианство» как течение конфуцианской мысли нашего столетия, ориентированное на создание антропоцентричной философии субъекта в духе нео-конфуцианской школы «учения о духе» (синь сюэ) Ван Янмина и Лу Цзююаня. Понятие «постконфуцианство» обозначает конфуцианскую мысль, направленную на аналитическую реконструкцию традиции, логицизированную герменевтику и объективизм, при этом сознательно ориентированную на открытость идеям западной философии». Понятие «современное конфуцианство» носит общий характер и обозначает течения «современного нео-конфуцианства» и «постконфуцианства» в их единстве в рамках конфуцианского философствования XX в. (1.-С. 12).

Профессор А.И. Кобзев указывает на воспроизведение в определениях А.В. Ломанова старой дихотомии синь сюэ – ли сюэ, что сегодня стало спорно само по себе, а тем более в разделении нео- и пост-конфуцианского учений. Кроме того, по мнению А.И. Кобзева, не совсем логичным представляется включение «постконфуцианства» в систему «современного конфуцианства», указывая на его (пост-конфуцианство) принципиальное отличие от конфуцианской традиции, более того – ее преодоление. А.И. Кобзев предлагает для определения «современного конфуцианства» введение термина «пост-нео-конфуцианство», который, с одной стороны, указывает на преемственность традиции, выделенность из нео-конфуцианства, с другой – на автохтонность современной конфуцианской традиции философствования, выходящую не только за границы неоконфуцианства, но и конфуцианства в целом (2.-С. 21-24). Однако, окончательное определение современного конфуцианства будет возможно после детального, основанного на критическом подходе анализа источниковой базы современной традиции.

Постконфуцианский философско-культурный, социально-антропологический проект находится в отношениях полемики, преемственности и взаимосвязи со всеми течениями конфуцианства и в отношениях диалога, спора, взаимодополнительности с евро-американской философско-культурной традицией. Его главной целью, как максимум, является утверждение самой возможности восточно-западного диалога, как минимум – взаимопределение двух традиций.

Американское конфуцианство является одним из самых крупных направлений в рамках современного постконфуцианского проекта, развивается преимущественно в США американцами азиатского (в том числе, непосредственно этническими китайцами) и европейского происхождения. Среди наиболее известных представителей перечислены западные профессиональные синологи: Р. Эймс, У.Т. де Бари, Д. Берлинг, Дж. Бертрон, А. Бедвистел, И. Блум, Р. Иванхоу, Р. Тейлор, М. Такер; философы (не синологи): Г. Фингаретт, Д. Холл, Л. Ерли (Lee Yearley), Р. Невилл, философы-синологи восточного происхождения: Чэн Юнцзе, Ду Вэймин, Чэн Чжуньин, Антонио Куа, Лу Шусен (Lu Shuhshien), Джулия Цзинь. Надо отметить, что американское конфуцианство, как часть американской синологии за годы своего существования сформировала внутри себя разные направления: богатую переводческую школу, компаративистское направление, исследующее межфилософский диалог, этико-аналитическое направление, социально-политическое течение, религиознофилософию.

Американское конфуцианство развивается сегодня в сложной диалектике восточного и западного философско-культурных дискурсов. Его содержание вырастает из главных идей, ценностей и дихотомий конфуцианства XX в. китайского (материкового, тайваньского, гонконгского) происхождения. При этом его представители предлагают свой альтернативный взгляд на вопросы реставрации конфуцианской традиции в современных условиях, обновления ее содержания, участия в мировом межфилософском, межкультурном диалоге.

«Бостонское конфуцианство» - философско-культурная концепция, главной идеей которой является включение конфуцианской традиции в поле взаимодействия с другими, преимущественно с западными цивилизационными традициями, в рамках которого формируется мировая цивилизация. Бостонское конфуцианство как школа представляет собой группу мыслителей-конфуцианцев, работающих в Бостоне под руководством проф. Ду Вэймина, директора Института «Гарвард-Енчин» (Harvard-Yenching Institute).

Первая публичная дискуссия о Бостонском конфуцианстве как отдельном течении состоялась на второй конференции, посвященной конфуцианско-христианскому диалогу, которая проводилась в 1991 г. в университете Беркли в Калифорнии. Впервые идея о переносе и дальнейшем развитии конфуцианства в инокультурном пространстве была встречена с иронией и

непониманием. Участники конференции утверждали, что только человек, рожденный и воспитанный в восточно-азиатской культуре, может анализировать конфуцианскую философию и отождествлять себя с ее ценностями. Однако в противовес данному тезису Р.К. Невилл привел примеры древнегреческой античной философии, буддизма, которые не только нашли сторонников за пределами создавших их цивилизаций, но и существенно повлияли на развитие философской культуры в других традициях. Более того, на протяжении всего XX в. восточно-азиатские философы обращаются к западной философии с попытками адаптировать ее отдельные идеи (крупномасштабным проектом можно считать адаптацию в Китае философии марксизма). Свою мотивацию в отношении конфуцианства Р. Невилл объясняет следующим образом: «Мое обращение к конфуцианству вырастает из желания его использования для философски-обусловленной жизнедеятельности в западной ситуации, больше того – в мировой ситуации перемешанных культурных традиций» (4). Заявление бостонцев о необходимости переноса и использования конфуцианства в западном культурном контексте стало их визитной карточкой. По их мнению, восточно-азиатский философский дискурс всегда носил критический характер по отношению к мировоззренческим, социально-политическим характеристикам эпохи, осуществляя многочисленные попытки формирования гармоничной цивилизации, основанной на идеях сыновней почтительности, искренней дружбы, социальной ответственности. В эпоху активной межкультурной интеграции – дифференциации данный опыт может существенным образом помочь в осмыслении и разрешении многих противоречий.

Результатом конференции стал тот факт, что значительное число людей, как восточно-азиатского, так и западного происхождения, согласились с позициями «Бостонского конфуцианства». В течение последующих лет многие ученые осуществляли попытки осмысления конфуцианства в рамках мировой философии, а не только как традиции ограниченной отдельной особой (восточно-азиатской) исторической культурой. Конфуцианство стало традицией с множеством культурных воплощений и идентичностей.

В США под руководством проф. Ду Вэймина была собрана команда ученых-конфуцианцев, которые сформировали школу «Бостонского конфуцианства».

Организованное в США «Бостонское конфуцианство» с течением времени сформировало

свою внутреннюю структуру (или архитектуру) и определило в рамках движения за западно-конфуцианский диалог свои парадигмы его развития. Однако, архитектуру данного проекта пока еще трудно назвать стройной и завершенной в первую очередь из-за некоторой разбросанности в проблематике, подходах школы, а также в разноплановой научно-исследовательской идентичности ее представителей.

Р. Невилл указывает на разделение школы между ее сторонниками на тех, кто работает к северу от реки Чарльз (Ду Вэймин и его коллеги в Гарварде) и тех, кто находится на юге от Чарльза (те, кто непосредственно сконцентрированы в Бостонском университете). Ду Вэймин и его коллеги в своих взглядах отталкиваются от теории Мэн-цзы о человеческой гуманности (Ren), а южане отдают предпочтение философии Сюнь-цзы и его отношению к ритуальной пристойности (Li) (4).

Особую часть деятельности бостонцев занимает привлечение сторонников за пределами данной школы и за рубежом. Они обмениваются визитами со своими коллегами, что говорит о стремлении бостонцев выйти за пределы своей бостонской локальности.

Из наиболее крупных американских философов-конфуцианцев, которые идентифицируют себя как бостонцев, нам известны Ду Вэймин, Р.К. Невилл, Чэн Чжунъян. Ду Вэймин – историк китайской философии, его научно-исследовательские интересы связаны с «конфуцианским гуманизмом» в рамках раннего конфуцианства, нео-конфуцианской философии Ван Янмина, сравнительным религиоведением, особое внимание он уделял религиозному измерению конфуцианской мысли. Р. Невилл (1939) – философ-религиовед, теолог, изучал христианскую традицию, с конца 70-х гг. специализируется на проблемах соотношения западной и китайской философских и религиозных традиций. Чэн Чжунъян (1935) – историк китайской, евро-американской философии, занимается философской компаративистикой, выступает за синтез западной и китайской философий, где может быть обретоно «единство теоретической, практической и инструментальной рациональности».

При определенной общности взглядов, каждый из перечисленных адептов «Бостонского конфуцианства» формирует в его рамках свое направление, которое в то же время переплетается с двумя другими.

В рамках Бостонского проекта Ду Вэймин выступает как религиовед и экзистенциалист, соединивший свою конфуцианскую позицию с философией Платона, Св. Августина, стоиками,

средневековой философией, работами Паскаля, Кьеркегора, М. Бубера, Г. Марселя и М. Хайдеггера. Он определяет главной, структурообразующей конфуцианской ценностью гуманность (Ren), которая образует диалектический, творческий диалог с ритуальной благопристойностью (Li). Li характеризуется как внешнее проявление Ren в определенном социальном контексте (4.-с. 10). В то же время Li – процесс само-развития, гуманизации личности, это путь, следуя по которому человек вступает в коммуникацию (контакт) с «другими» (здесь диалог имеет и значение всеобщего коммуникативного дискурса вне конкретных объектов), основанную на благопристойности и почтительности (там же.- С. 24-25). Для Ду Вэймина стремление к гуманности – выявление своего подлинного знания, некой неустранимой потенции разворачивается в диалогичную, трансцендентную само-реализацию/само-трансформацию в экзистенциональном варианте.

Роберт Невилл ту же структуру ценностного самоопределения (Ren-Li) рассматривает через прагматическую концепцию. По его мнению, семиотическая теория Ч. Пирса проясняет структуру и процесс взаимодействий человека в его социальной, духовной жизни. Помещая свою жизнь в знаковый контекст социальности, человек само формирует себя, определяет свои ценности и способствует созданию общей системы ценностных установок. Отношения в западном обществе приобрели формы крайнего индивидуализма и эгоизма и нуждаются в ресурсах конфуцианского гуманизма (Ren), обуславливающего поведенческие традиции (Li) (3.-С.8-21).

Аксиологическая проблематика работ Чэн Чжунъяна определяется исследованиями специфического языка конфуцианской философии и поиском на основе онто-герменевтического подхода общего основания для взаимных оценок, интерпретаций западно-восточных традиций с позиций фундаментальных категорий-ценностей, определяющих развитие каждой из них (5.-с. 365-404).

Для представителей «Бостонского конфуцианства» «Li – Ren» – некий философско-культурный ориентир, который проблематизирует взаимоотношения «я-другие» в ситуации социального взаимодействия, в межкультурных связях, во взаимоотношениях всех «десяти тысяч вещей», отношениях природы и человека, Неба и человека. Эта диалектика формирует незавершенность проекта самосовершенствования личности. Конфуцианство, как религия выступает в их теориях средством, благодаря которому

люди, осознавая ограничения феноменального мира, предпринимают некие особые усилия, чтобы воздействовать на процесс своего совершенствования в рамках космологического контекста.

Одним из главных посылов бостонцев является утверждение о том, что конфуцианские ценности должны и могут быть поняты и усвоены современной англоговорящей аудиторией. В своих работах они пытаются показать, как не взирая на этническую принадлежность, конфуцианский гуманизм может значимо способствовать формированию уважения и знания культуры, этики и духовных ценностей у молодежи Востока и Запада. Для бостонцев важными представляются вопросы «выправления» современных межличностных отношений всех уровней, которые, с одной стороны, укоренены в социально-этической составляющей конфуцианства, а с другой – в его религиозно-философской проблематике.

Конфуцианские ценности, являясь главным предметом осмысления бостонцев в их сравнительном философском, религиоведческом дискурсах, этической, социально-политической мысли, представляют собой независимую сферу человеческих стремлений, которые через человеческую восприимчивость всех существ универсума направляются к формированию живой целостности, органического единства отношений «сущности – функции», «основы – проявления», «принципа – проявления» («ti-yong») в

обществе, в культуре, в мире, во вселенной. Именно через фундаментальное (историко-сравнительное и историко-генетическое) изучение конфуцианских ценностей бостонцы пытаются найти разрешение противоречия между традиционным идеалом гармонии, интеграции, единства и современной нацеленностью на отчуждение, напряжение, противоречие.

Их метод – проблематизация дискурсов современности (экологического, технологического, экономического, политического, этического и др.), которые они актуализируют в контексте конфуцианской и евро-американской философий, пытаются осмыслить и разрешить данные философско-антропологические проблемы путем взаимодополнения, взаимоперевода двух традиций.

Натурализовавшись в американском социально-культурном контексте, изучая главные концепции евро-американской философской мысли, бостонцы (особенно, это касается этнических китайцев) фактически осуществляют детальное социально-антропологическое исследование. Занимая пограничное положение между двумя культурами, между двумя интеллектуальными традициями, они с позиций каждой из них оценивают риски, вызовы, напряжения, положительный опыт данных цивилизаций. Их мировоззренческая, языковая, интеллектуальная транскультурность делает проект «Бостонского конфуцианства» особенно интересным и актуальным.

1. Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани. – М., 1996.

2. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. – М.: Вост. Лит., 2002.

3. Neville, R.C. Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-Modern World / State University of New York Press, 2000.

4. Tu Wei-ming. Humanity and Self-Cultivation. Boston: Cheng and Tsui Company, 1998.

5. Chung-ying Cheng, Nicholas Bunnin. Contemporary Chinese Philosophy. Blackwell Publishers Ltd, 2002.

6. Chung-ying Cheng. Confucianism: Twentieth Century. 2005. – P. 170-185